

Виктор Нечипуренко

Зажжённое место

— Инициация в горение —

Виктор Нечипуренко

**Зажжённое место.
Инициация в горение**

«Автор»

2026

Нечипуренко В. Н.

Зажжённое место. Инициация в горение / В. Н. Нечипуренко —
«Автор», 2026

В этих мистико-философских текстах человеческое тело раскрывается как сжатая вселенная, планеты и металлы становятся органами единой космической анатомии, а любовь, кротость, гнев и распад — силами, создающими всякую форму. Герои пересекают Мёртвую долину, бодрствуют у ложа спящих, ищут центр мироздания и возвращаются к давно остывшим очагам. Каждый пытается найти вовне то, что уже зародилось внутри: неподвижное средоточие, где свет встречается с жаром и начинается рождение нового тела. Но приближение к центру не обещает спасения. Свет может оказаться пустым, кротость — губительной, свобода — разновидностью распада, а горение — одиночеством. Это книга о человеке как доме для несовместимых сил; о знании, которое не исцеляет, но открывает внутренний глаз; и о выборе, остающемся после всех откровений: остыть в безопасности или продолжать гореть, принимая боль как знак ещё не завершившегося рождения.

© Нечипуренко В. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Пролог	7
РОЖДЕНИЕ ОГНЯ В ТЕЛЕ ХОЛОДА	8
Часть I. Поиск	13
Морван и Изора	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Зажжённое место. Инициация в горение

Предисловие

Перед входом

Эта книга не объясняет огонь.

Всякое объяснение уже предполагает расстояние между тем, кто смотрит, и тем, на что он смотрит. Здесь такого расстояния нет. Наблюдатель находится внутри наблюдаемого; рука, описывающая рану, сама принадлежит ране; слово, называющее пламя, обугливается прежде, чем достигает бумаги.

Поэтому перед вами не трактат, хотя в нём есть своя система. Не исповедь, хотя почти каждая страница произнесена от первого лица. Не собрание притч, хотя события здесь подчиняются логике, более древней, чем причинность. И не руководство к спасению: спасение предполагает место, куда можно выйти, тогда как выйти отсюда некуда.

Это брошюра об инициации — но не той, которую совершает учитель над учеником. Здесь посвящает само горение.

Оно начинается не с пламени. Сначала возникает холод: терпкий, стягивающий, дающий границу тому, что иначе растеклось бы без имени и формы. Затем — горечь, первое движение заключённой силы. Потом ужас, вырывающийся вверх; кротость, следующая за ним; свет, который не уничтожает тьму, но обретает в ней место. Всё, что позднее будет названо телом, мыслью, любовью, судьбой, планетой или металлом, возникает из этой внутренней борьбы — не как её разрешение, а как её временный орган.

Зажжённое место — это средоточие, где несовместимое не примиряется, но становится способным родить.

В текстах, собранных здесь, один и тот же процесс рассматривается с разных расстояний. В прологе он переживается прежде лица и имени — как чистое зачатие внутреннего органа. Затем выносятся наружу и становятся путём через Мёртвую долину, паломничеством к ослепительному центру, где освобождение почти неотличимо от уничтожения. После этого мир раскрывается как анатомия: планеты становятся силами, металлы — состояниями плоти, космос — телом, которое непрерывно рождается, стареет и пожирает себя. Но всякая система должна однажды вернуться к человеку. Поэтому в сердце книги находятся не схемы, а утраты; не соответствия, а лица; не устройство мироздания, а невозможность зажечь другого вместо него.

Огонь здесь не благ и не зол. Он не очищает автоматически и не обещает преобразования. Он может стать жизнью, яростью, знанием, безумием, любовью или пустым сиянием. Холод тоже не враг: без него пламя не обрело бы очертаний. Горечь не болезнь: иногда только она сохраняет свет зрячим. Кротость не всегда милость: лишённая жара, она способна сделаться равнодушием. Даже разрушение не тождественно свободе — порой оно лишь последняя форма круга.

Эти тексты не предлагают выбрать одну из сил. Они требуют выдержать их совместное присутствие.

Читателю, привыкшему искать ключ, соответствие или доктрину, захочется составить карту: назвать семь потоков, расположить планеты, сопоставить металлы, определить, что в человеке принадлежит свету, а что — холоду. Такая карта возможна. В книге достаточно указаний для её построения. Но карта не является целью. В лучшем случае она приведёт к двери. Переступить порог придётся без неё.

Потому что настоящее содержание этой брошюры находится не в её космологии. Оно — в мгновении внутреннего рождения.

В том мгновении, когда Мёртвая долина оказывается собственной грудью. Когда далёкая планета обнаруживается застывшим испугом. Когда свинец отзывается в костях, ртуть — в беспокойстве мысли, медь — в жажде растворить границу, а золото — в неподвижном месте, вокруг которого годами вращается жизнь. Когда становится ясно, что чудовищная машина мира не окружает человека, но работает внутри него — и что сам человек, возможно, лишь краткая форма её работы.

Инициация в горение не означает научиться пылать ярче. Она означает распознать, что уже горит; увидеть, чему этот огонь даёт жизнь и что пожирает; понять, какой холод удерживает его в форме, какая горечь приводит в движение и какая кротость не позволяет ему стать одним лишь разрушением.

Но даже это понимание ничего не завершает.

Знание не тушит огонь. Имя не подчиняет названное. Внутренний глаз, однажды возникнув, не обещает покоя — он только лишает человека прежней слепоты. После этого по-прежнему нужно вставать, переступать порог, растапливать печь, говорить или молчать, удерживать или отпускать. Посвящение завершается не откровением, а поступком: возвращением из космоса в комнату, из вечности — в конкретную ночь, из сияния — к рукам, которые знают, что делать.

Эту книгу следует читать не только как путь к центру, но как и обращение вокруг него. Некоторые её образы будут повторяться, потому что повторяется всякое живое: сердце, орбита, дыхание, травма, желание. Одни и те же силы станут являться под разными именами, спорить сами с собой, менять нрав и значение. Это не противоречия, которые необходимо устранить. Это пульсация. Огонь не сохраняет единственной формы, если он действительно жив.

Здесь не требуется вера.

Достаточно того, что однажды — во сне, в болезни, в любви, в ярости, в утрате или в тишине обыкновенного утра — человек уже почувствовал в себе место, которое не движется вместе с остальным. Место, где боль и радость ещё не разделены. Где нечто безымянное трётся о холодную стену формы и от этого трения рождается третье.

Возможно, чтение ничего туда не принесёт.

Возможно, оно только поднесёт руку ближе — и позволит почувствовать жар.

Пролог

Зачатие. Что происходит внутри, когда ещё нет лица, имени, выбора. Чистый процесс.

РОЖДЕНИЕ ОГНЯ В ТЕЛЕ ХОЛОДА

Некоторые вещи не вмещаются в память. Память бесконечна, если верить тем, кто ещё помнит. Но вещи эти возникают раньше памяти. Раньше органов. Раньше тела, которое могло бы их вместить.

Я попытаюсь рассказать.

На третий день — не календарный, а тот, который отсчитывает внутренний судорожный пульс — нечто пробилось сквозь то, что я звал своим телом.

Тело моё состояло из нескольких слоёв, и каждый имел свою температуру, свою влажность, свой цвет. Самый внешний — холодный, твёрдый, почти каменный. Под ним — вязкое, тягучее, горькое, хотя язык не мог его достать. Ещё глубже — пустота, давящая, как вода на глубине, только вода была из огня.

Когда я закрывал глаза — а я закрывал их часто, потому что видимый мир стал слишком прозрачным и сквозь него просвечивало нечто, на что невозможно было смотреть открытыми глазами, — я видел, как в центре этой системы, в самом спрессованном, самом горьком месте, начинает тлеть точка.

Не свет. Тление. Предсвет. То, что рождается, когда два несовместимых качества трутся друг о друга и от трения этого возникает третье, которого не было ни в одном из них.

Горечь и холод. Я знал эти качества. Они жили во мне так давно, что я перестал их замечать, как не замечаешь собственное сердцебиение. Но теперь, когда я закрывал глаза, они обрели форму: холод — терпкий, стягивающий, как недозрелый плод; горечь — жгучая, подвижная, не могущая оставаться на месте.

И они столкнулись.

Было темно, потом стало светло, но я не видел перехода. Но в какой-то момент — я не смог бы указать на него пальцем, потому что он не был точкой на линии, а был поворотом всей системы — горечь прорвалась сквозь холод.

Это было как взрыв, как молния, как первое движение в матке, когда зародыш ещё не знает, что он жив, но уже начинает сопротивляться тому, что его окружает. Из этого прорыва поднялось нечто, что я мог бы назвать ужасом, если бы ужас мог быть началом. Огневой ужас. Первозданный. От которого не спрятаться, потому что он происходит внутри, в том месте, которое ты считал своим.

Он поднялся вверх — я чувствовал это телом, как чувствуешь подступающую рвоту или внезапную слезу, — поднялся и на мгновение застыл. А потом его догнало другое.

Вслед за ужасом, из того же прорыва, хлынуло нечто кроткое. Сила, которая не ломает, а ведёт. Она шла следом за огненным ужасом и укрощала его, не уничтожая, а преображая — как вода преобразует огонь, давая ему новую форму.

И когда оба потока — ужас и кротость — встретились в той точке, где начиналось моё существование, там вспыхнул свет.

Но свет не стал моим. Он стал отдельным.

Это было самое трудное для понимания. Я ожидал — не знал, что ожидаю, но ожидание было встроено в само строение тела, — что свет заполнит всё. Рассеет горечь, растопит холод, что от ужаса не останется и следа.

Ничего подобного.

Свет вспыхнул — и остался в центре. Как сердце, которое не покидает грудной клетки, хотя кровь разносится по всему телу. Он сиял, но сияние было не тихим, не ровным. Пульсировало, и каждая пульсация была одновременно болью и радостью, и я не мог отделить одно от другого, и не нужно было.

Вокруг света, на том уровне, куда он ещё мог дотянуться, происходило нечто невероятное. Горечь — та самая, жгучая, подвижная — начала размягчаться. Становиться иной, продолжая существовать. Текла, как ртуть, но ртуть была живой, и из неё начало рождаться нечто, не похожее ни на горечь, ни на свет.

Что-то третье.

Я не знал, как это назвать. Это было как дыхание, но не то, которое во мне. Дыхание самого процесса. Вдох и выдох рождения.

А выше — там, где огневой ужас был укрощён и остановлен, но не уничтожен, — образовался слой. Плотный. Чёткий. Как подсохшая корочка на ране, но не рана была причиной, а корочка порождала рану, и рана порождала корочку, и установить, где начало и конец, было невозможно.

Этот слой — я чувствовал его каждый раз, когда пытался думать, — был местом, где мысли обретали твёрдость. Где из потока превращались в вещи. Где кротость света, проходя сквозь жёсткость этого слоя, начинала отзываться полноценным голосом.

Я звал это место мыслями. Позже узнал, что другие звали его иначе.

Но самый нижний слой — самый холодный, самый тёмный, самый терпкий — не был задет.

Он пребывал. Неподвижный. Неумолимый. Иссущающий. Не давал свету распространяться вниз, и от этого сопротивления свет становился ярче. Как пламя свечи, которое не было бы таким жёлтым, если бы воск не таял.

Этот слой я знал лучше всех остальных. Он был моей старостью. Моей тяжестью. Моей неподвижностью. Тем, что не даёт улететь, когда хочется, и не даёт утонуть, когда хочется тоже. И темницей, и каркасом одновременно.

И он не собирался меняться. Ни сейчас, ни потом. Ни при каких обстоятельствах. Он пребывал до меня и будет пребывать после. Он — условие, без которого всё остальное — свет, кротость, ужас, горечь — не имело бы тела, в котором надлежало происходить.

Я лежал — или стоял, или сидел, уже не помнил, в каком положении находилось внешнее тело — и наблюдал, как внутри меня разворачивается нечто, что я мог бы назвать вселенной, если бы это слово не было изношенным до дыр.

Семь потоков.

Первый — огневой ужас, самый быстрый, самый яростный, поднимающийся вверх, как молния, как крик, как первое слово, которое ещё не знает своего значения.

Второй — кротость, идущая следом и укрощающая первый, давая ему направление.

Третий — то, что родилось из встречи обоих: смиренное, опускающееся вниз, к самому тёмному месту, и от этого опускания во тьме начинает тлеть любовь.

Любовь.

Я произнёс это слово про себя, и оно не показалось ни возвышенным, ни банальным. Оно было подходящим. Потому что то, что происходило в нижнем слое, когда третий поток достигал его, было именно любовью — процессом, протекающим по собственной логике. Как то, что заставляет воду искать свой уровень, а корни — расти вниз.

Четвёртый поток был самым странным. Он шёл не вверх и не вниз, а внутрь. Сжимал. Конденсировал. Давал тело тому, что раньше тела не имело. Это был тот самый нижний слой, но действующий — на каждом уровне, в каждой точке, где только возможно обрести форму.

Без него — я понимал это теперь с такой ясностью, с какой понимаешь, что дышишь — не было бы ничего. Ни света, ни ужаса, ни кротости. Всё существовало бы в бесконечности, не имея стен, в которых могло бы отразиться.

Остальные три потока текли между этими четырьмя — иногда пополам, иногда разделяясь, иногда сливаясь в единый поток, который невозможно было проследить, не потеряв нить.

К утру — внешнему утру, тому, которое наступало независимо от того, что происходило внутри — я почувствовал, что тело изменилось.

Внешне всё было как прежде: та же кожа, те же кости, та же кровь, текущая по тем же жилам. Но внутри, в том месте, где я наблюдал рождение потоков, образовалось нечто, чего раньше не было.

Орган.

Не физический — я не мог бы показать на него пальцем. Но это был орган в полном смысле этого слова: нечто, что делает работу. Воспринимает. Трансформирует. Позволяет одному качеству превращаться в другое, не теряя себя.

Этот орган — я не знал, как долго он будет жить, будет ли работать завтра, через неделю, через год — позволял видеть то, чего не видят глаза. Не мистические видения — ничего подобного. Скорее, он позволял чувствовать структуру вещей. Под поверхностью, глубже. Как если бы ты мог видеть не только кору дерева, но и сок, текущий под ней, и направление, в котором растут корни, и расстояние до грунтовых вод.

Я встал.

Комната была та же. Стены те же. Свет, падающий из окна, — тот же. Но я — я был другим. Как планета, которая вращается вокруг того же солнца, что и вчера, но находится в другой точке орбиты.

Я не стал никому рассказывать.

Слова, которыми мы пользуемся, говоря о подобных вещах, были непригодны. Они были созданы для описания поверхности. Для того, чтобы передать, что видел, слышал, потрогал. А то, что я пережил, не имело поверхности. Это была чистая глубина.

Я мог бы сказать: «Я видел рождение света в собственном теле». Это было бы ложью. Свет был всегда. Родилось нечто, что позволяло свету быть увиденным. Родился глаз. Не физический — физический был с рождения. Внутренний. Тот самый, о котором — я знал это, хотя не помнил откуда — говорили те, кто шёл этим путём до меня.

И этот глаз был как солнце — просто существующее и оттого неотвратимое.

Неделю спустя горечь вернулась.

Другая. Более тонкая. Более ядовитая. Поднималась оттуда же — из самого нижнего, самого тёмного, самого терпкого слоя — и на этот раз я знал, что с ней делать.

Ничего.

Потому что она была необходима. Без неё кротость стала бы слабостью. Без неё свет стал бы слепым. Без неё всё то, что родилось в ту ночь, утратило бы форму и расплескалось, как вода, вылитая на песок.

Горечь была условием. Условие — это то, без чего не может существовать то, ради чего ты живёшь.

Я не знаю, что это было.

Мистики назвали бы опытом. Врачи — приступом. Философы — экстазом. Знаю только, что после этого стал иначе слышать. Не ушами — тем, что внутри. И что каждое утро, когда просыпаюсь, в груди — в том месте, где начиналось моё существование — стоит этот свет. Тихий. Негаснущий. Пульсирующий в такт, которого нет ни в одном метрономе.

И что я — весь, всё моё тело, все мои мысли, всё, чем я когда-либо был — есть дом для этого света. Ровно столько, сколько нужно.

Ветхий дом, в котором любовь и горечь непрестанно борются друг с другом, и от этой борьбы — каждый день, каждый час, каждый вздох — рождается нечто третье.

Часть I. Поиск

Путешествие через Мёртвую долину. Внешний поиск того, что уже зародилось внутри.

Морван и Изора

Багровый шквал рухнул на гранитные скалы, высекая снопы искр и заставляя гудеть само основание искривленного материка. Морван вцепился кровоточащими руками в острый выступ породы, рывком подтягивая изможденное тело на следующий уступ. Пространство вокруг непрерывно страдало, оно корчилося в длительном бесконечном спазме, искажаясь под тяжестью собственного противоестественного существования. Раскаленные валуны покрывала жесткая слюдяная корка, напоминающая струппя гигантской космической язвы, поразившей первозданную пустоту в незапамятные времена. Мир был смертельно болен. Эта тяжелая неизлечимая хворь носила имя объективной реальности.

Тень от скалы внезапно легла в обратную сторону, вонзившись в глаза Морвана острой черной иглой. Сама геометрия местности бунтовала против законов перспективы. Острые углы казались тупыми, бездонные пропасти оборачивались плоскими пятнами тьмы. Воздух обжигал легкие, превращая каждый вдох в изошренную пытку. Небо извергало потоки раскаленного гнева. Фиолетовая мембрана небес периодически лопалась с режущим слух визгом, обнажая скрытую за ней бездну чистой ярости. Ливень злой радиации сек сторбленные спины идущих, оставляя на коже глубокие незаживающие ожоги.

Экспедиция ползла через Мертвую долину тридцать долгих мучительных дней. Позади Морвана, цепляясь за оплавленные края остывшей лавы, тащилась вереница отчаявшихся душ. Вереница фанатиков, навсегда отринувших спасительные комфортные иллюзии уютных долин, где толпы слепцов продолжали возносить хвалу равнодушным небесам. Ими двигала жажда невозможного. Ими руководило неистребимое желание постичь первопричину этой все-ленской болезни. Уставшие от успокаивающих теорий, от выверенных логических конструкций, они бросили вызов самому устройению мироздания. Они отправились в самое средоточие катастрофы.

Каждый шаг вверх давался ценой всепоглощающей боли. Кости ныли, суставы скрипели, готовые разрушиться под давлением незримого атмосферного пресса. Долина олицетворяла царство абсолютной суровости. Материя здесь сжималась в ледяной мертвенной судороге, отчаянно пытаясь удержать ускользающую жизнь. Холодный сковывающий принцип безжалостно диктовал форму окружающим скалам. Он ломал прямые линии, скручивая их в изломанные спирали, возводя уродливые памятники собственному могуществу. Горные хребты

напоминали сведенные судорогой гигантские сухожилия убитого титана. Камни источали жар воспаленного нутра.

Светило нависало над горизонтом огромной кровоточащей язвой. Оно представляло собой сгусток первородного огневого испуга, плененный внезапным беспощадным наступлением космического света. Свет набросился на пламя миллионы эпох назад, жестоко подавляя изначальную свободу стихии. Свет запер свободный огонь в жесткие границы телесной формы, превратив безумный хаотичный танец энергии в упорядоченное вращение планетных сфер. Возник порядок. Родилась великая всеобъемлющая иллюзия стабильности. Солнце стало надзирателем этой планетарной тюрьмы. Оно заливало планету потоками яростного излучения, подавляя малейшие попытки хаоса вернуть свои законные права. Дневное светило диктовало ритм покорности. Оно выжигало бунтарские мысли, превращая живых существ в послушных механических кукол, главная цель которых заключалась в поддержании этой иллюзии.

Морван опустил веки, защищая глаза от жестокого сияния. Свет проникал сквозь плоть, безжалостно высвечивая скелет. Кости начинали светиться тусклым, фосфоресцирующим, призрачным блеском под его кожей. Интеллект казался побочным продуктом этой грандиозной вивисекции. Разум сформировался как охлажденная высушенная сила первоначального взрыва. Свободная энергия застыла в виде извилин, нейронных сетей, жестких логических рамок. Мысль превратилась в клетку для духа.

Паломники бросили вызов этому тирану. Они намеренно шли в самую раскаленную пасть надсмотрщика, туда, где концентрировалась максимальная мощь подавляющего излучения. Они жаждали перегрузки. Они хотели переполнить свои ограниченные сосуды до краев, чтобы хрупкая керамика формы разлетелась вдребезги.

Пейзаж резко изменился за невидимой границей. Гранит уступил место острым, как бритва, кристаллическим образованиям слепящего багрового цвета. Владения горького неистового гнева открылись перед паломниками. Здесь властвовала чистая нерациональная агрессия. Каждое движение сопровождалось острой пронзительной болью.

Изора рухнула на россыпь кристаллических осколков. Грани камней безжалостно вспороли ее плоть. Женщина издала короткий хриплый стон, эхом отразившийся от отвесных скал. Она медленно поднялась на ноги, оставляя на красных камнях алую кровь. Ее изможденное лицо светилось фанатичной одержимостью. Боль служила универсальным ключом. Физические страдания разрушали иллюзию телесной целостности, приближая долгожданный момент

окончательного освобождения. Ими двигала абсолютная, выжигающая нутро жажда слияния с первозданным хаосом.

Они миновали зону огненного безумия, погружаясь в обманчивое марево следующей территории. Ландшафт внезапно смягчился, утратил свою враждебность. Острые скалы сменились плавными округлыми холмами, покрытыми мягким пепельным налетом. Территория

ложной милости расстелила свои коварные сети. Пространство притворялось добрым и заботливым. Оно предлагало отдых, обещало успокоение, манило иллюзорной, сладкой гармонией.

Несколько членов экспедиции с протяжным вздохом опустились на мягкую поверхность холмов. Их нестигаемая воля стремительно растворялась в этом ядовитом океане фальшивой любви. Желание продолжать путь угасало с каждой секундой. Зачем идти к центру невыносимого ужаса, подвергая себя бесконечным истязаниям, испытывая лишь боль, отвергая очевидное благо мягкой земли?

Морван выхватил из глубин своего духа лезвие абсолютной непреклонности. Он беспощадно погнал отстающих вперед, осыпая их градом безжалостных ударов своей воли. Покой означал окончательную, позорную смерть духа. Успокоение являлось величайшим космическим предательством. Истинное, бескомпромиссное спасение находилось исключительно за гранью тотального уничтожения формы. Паломники обязаны были прорваться сквозь завесу обманчивой липкой кротости, грозящей навсегда усыпить их гнев. Мягкость этих холмов скрывала самую изощренную ловушку мироздания — ловушку удовлетворенности.

Экспедиция медленно продвигалась в зону абсолютной сверхчувствительности. Законы привычного сцепления материи прекращали действовать на этой зыбкой границе. Реальность начала расслаиваться, терять свою плотность. Чувства смешались в диком, неконтролируемом, экстатическом хороводе. Звуки обрели ослепительно яркие, бьющие по глазам цвета. Свет зазвучал оглушительными низкими аккордами, сотрясающими внутренности. Изора закричала. Ее голос обрел чудовищную плотность. Звуковые волны визуализировались в воздухе

в виде острых вибрирующих осколков сапфирового цвета. Эти осколки вонзались в скалы, оставляя на камнях глубокие кровоточащие борозды. Синестезия стала абсолютной нормой этого искаженного пространства. Вкус паники оказался шершавым, заполняющим ротовую полость едкой удушливой пылью. Цвет боли приобрел пронзительное ультрафиолетовое свечение. Пространство выворачивалось наизнанку, сбрасывая лицемерные маски трехмерности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.